

Яков Бутков

Хорошее место

ЯКОВ БУТКОВ

Хорошее место

«Public Domain»

1846

Бутков Я. П.

Хорошее место / Я. П. Бутков — «Public Domain», 1846

«Ограниченная поверхность нашей планеты усеяна светлыми точками, к которым стремятся мечты, самолюбие, зависть и все страсти и страстишки человеческие. Те точки суть хорошие места, те места самобытны, не зависимы ни от физических, ни от политических потрясений мира; они имеют свои степени и подразделения: есть такие места, которые сообщают своим обладателям силу и величие богов олимпийских и возвышаются над другими, тоже хорошими местами, как заоблачные вершины Гималаи над Валдайскими горами; есть и такие, которые доставляют счастливым, занимающим их, все средства не только к ежедневному обеду, но даже к курению копеечных сигар...»

© Бутков Я. П., 1846

© Public Domain, 1846

Содержание

I	5
II	6
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Яков Бутков

Хорошее место

I

Ограниченная поверхность нашей планеты усеяна светлыми точками, к которым стремятся мечты, самолюбие, зависть и все страсти и страстишки человеческие. Те точки суть *хорошие места*, те места самобытны, не зависимы ни от физических, ни от политических потрясений мира; они имеют свои степени и подразделения: есть такие места, которые сообщают своим обладателям силу и величие богов олимпийских и возвышаются над другими, тоже хорошими местами, как заоблачные вершины Гималаи над Валдайскими горами; есть и такие, которые доставляют счастливым, занимающим их, все средства не только к ежедневному обеду, но даже к курению копеечных сигар. Вообще хорошее место ад и рай, мука и блаженство для бедного животного, горделиво называющегося человеком, даже чиновником, даже *царем природы*, – как будто эта природа вырастит, по его велению, хорошее *место*, которого жаждет его эгоизм, или *какое-нибудь* место, без которого он может умереть с голоду, как будто этот жалкий царь природы имеет собственное, личное значение среди тысячи миллионов других подобных ему царей, если не занимает хорошего места.

После этого какой он, в самом деле, царь природы, этот человек, чиновник, бедняк самолюбивый! Он не самобытен, подобно хорошему месту; он абсолютное *ничто*, если не имеет этого места, а если «какими-нибудь судьбами» добудет его, усядется на нем, он – *нечто*, факт, а не мечта, аксиома, а не гипотеза, одним словом: «человек, занимающий хорошее место»!

Земля и на ней хорошие места созданы прежде человека; потом создан человек, и он занял, без всякого соперничества, хорошее место – в эдеме; но скоро сатанинская интрига столкнула первого человека с первого хорошего места; а когда человечество размножилось, оно увидело, что может существовать без горя и забот только в той благодатной атмосфере, которая искони свойственна одним хорошим местам, и стало грызться, резаться, даже подличать, стремясь в эту атмосферу. Но, увы! сколько оно ни грызется, ни режется, ни подличает, для всех людей, чиновников, царей природы недостает хороших мест!

II

Если бы природа производила людей, соображаясь с будущим значением их в обществе, она предупредила бы многие бедствия, удручающие род человеческий... Не было бы нынешних противоречий личного достоинства с рангом, честолюбия со способами к его удовлетворению, ума с возможностью употребить его на что-нибудь умное. Люди имели бы нравственные качества, соответственные положению их между другими людьми, и были бы счастливы, самодовольны.

Есть, однако, много людей, которые дают повод к заключению, что природа «наводила надлежащие справки» при рождении их. Есть люди высоких нравственных свойств, и они занимают высокие степени на общественной лестнице; есть дураки абсолютные – и они просто душно вывозят в гору на своем хребте людей разумных, считая это занятие прямым своим делом.

Ни к тем, ни к другим нельзя причислить Терентия Якимовича Лубковского, родившегося когда-то в украинском городе Чечевицыне в качестве сына и наследника пана Якима Терентьевича, владельца двух мужеских и трех женских ревижских душ, четырех борзых собак и ветряной мельницы.

Яким Терентьевич был недоросль сорока лет, всю жизнь свою собиравшийся поступить на службу и не поступивший, потому что ему не давали хорошего места. Он считал неприличным своему шляхетству начать служебное поприще в сане копииста нижнего земского суда; его честолюбие удовлетворилось бы званием дворянского предводителя; но будучи паном *малодушным*, не имея наследственного или благоприобретенного добра, он не мог быть избран в эту почетную должность и оставался при своих лучезарных надеждах. Уже многие из товарищей детства его были людьми важными, занимали хорошие места, а он все еще ждал, что не сегодня, завтра прискачет к нему курьер с известием, что его сделали чем-нибудь, на первый раз хоть губернатором или винным приставом.

Терентий Якимович, возрастая в доме родительском, со дня на день исполнялся честолюбием своего отца и приобретал высокое понятие о хорошем месте. В приходской школе он узнал от профессора элоквенции и пиитики, очень восторженного немца, что есть где-то на Руси столица, счастливый город Санкт-Петербург, и в той столице отводятся желающим хорошие места, по востребованию. Мошко Янкелевич, шинкарь и раввин чечевицынский, к которому он часто хаживал с товарищами ради усладительной варенухи и снисходительной Хаи, жены его, объяснил ему, что в Петербурге, как наверное узнал он, будучи там на откупных торгах, всякий корчмарь значит больше пана чечевицынского капитана-исправника, что там рождаются, делаются и оттуда на весь мир насылаются паны губернаторы...

Кроме рассказов учителя и корчмаря, в Чечевицыне, даже во всей Украине славился Петербург своими сердитыми и страшными панами, так же как в Петербурге славится Украина своими арбузами, Черкасск быками и Крым баранами. Ясно, что всякая почва, всякий климат производят один исключительный продукт: Украина – большие вкусные арбузы, Черкасск – откормленных быков, пригоняемых в Петербург на съедение, Петербург – тоненьких и страшных панов, приезжающих в Украину для откормления.

Неизвестно, чему и как учился Терентий Якимович в чечевицынской школе. Достигнув двадцатилетнего возраста, он вышел из нее, то есть перестал ходить в нее, потому что надобно было, наконец, сделать решительный выбор между ею и Хаею, еврейкою, которая между тем лишилась своего Мошки, без вести пропавшего в одну из поездок для провоза контрабанды. В то же время он, с родительского благословения, задумал определиться в службу на *хорошее место* по штатским делам.

Но где штатские дела, где хорошие места, достойные Терентия Якимовича? В Чечевицыне штатские дела были весьма не обширны, а хороших мест, в том смысле как он понимал их, вовсе не было. «В Петербург! – подумал Терентий Якимович. – Мое место там!»

Невелики были дорожные сборы его. Купив на ярмарке небольшой выкрашенный разноцветными яркими красками сундук, он уложил в него свой уездный гардероб, несколько банок домашнего варенья и толстую тетрадь под названием «Таинственная книга», где были записаны несчастливые дни, в которые ничего важного начинать не должно, множество важных изречений малороссийских мудрецов, заклинания или заговоры против двенадцати лихорадок и другие полезные предметы. Этот сундук был поставлен в национальный еврейский экипаж, называемый чертопхайкою, нанятый вместе с владельцем его Ицкою за пятьдесят рублей. Важнейшее лицо чечевицынской аристократии, капитан-исправник, дал Терентию Якимовичу рекомендательное письмо к своему старинному приятелю пану Халяве, занимавшему в Петербурге, как слух носился, важное место квартального поручика, а нежные родители, продав одну ревижскую душу, благословили его вырученными деньгами. Потом Терентий Якимович, простясь с родными и знакомцами, напутствуемый искренними и лицемерными желаниями, сел в чертопхайку; жид поместился на козлах; ясное украинское солнце скрылось в облаках; брызнул мелкий дождь, – и клячи медленно потащили в столичный город Санкт-Петербург сто тысяч первого и все еще не последнего искателя хороших мест и штатской службы.

III

Долго, почти два месяца ехал Терентий Якимович в своей чертопхайке; насмотрелся по дороге таких чудес, о которых ни бывший учитель, ни приятель корчмарь не говорили ему; наконец прибыл он в Петербург.

Рассчитавшись с жидом и наняв себе квартиру – небольшую комнатку на чердаке дома в Садовой, он принялся отыскивать своего будущего покровителя, квартального поручика, и имел первую неприятность не найти его ни в наличности, ни в списках управы благочиния; он узнал только, что когда-то служил при полиции какой-то Халява, который за чрезмерное употребление спиртных напитков и за склонность к азарту выгнан из службы, после чего долгое время упражнялся в писании ябед, за которые отдан под суд, под коим и умер, с отчаяния ли или от перепоя – неизвестно.

После этой неудачи пан Лубковский стал ходить с утра до вечера по всему Петербургу в чаянии найти хорошее место; но, употребив на это хождение целый месяц, он с глубоким прискорбием удостоверился в горьком обстоятельстве, неожиданном и не принятом в расчет при выезде из Чечевицына, что все *хорошие* места уже заняты и остается только небольшое количество *разных* мест, для занятия которых есть, впрочем, до десяти кандидатов на каждое...

Между тем родительское благословение, полученное Терентием Якимовичем на дорогу, истощалось; понятия его о петербургской жизни, о хороших и разных местах прояснились. Он призадумался о том, что может выйти, если ему не удастся получить должности – уже не губернатора, а только канцелярского чиновника.

«Говорят у нас в Чечевицыне, – думал он, – что в Петербурге хороших мест на весь свет достанет. Дурни! Петербург не один – их три: первый внизу, где живет народ торговый, мастеровой; другой в середине: это и есть настоящий Петербург, где все места – хорошие места; там рождаются, делаются и оттуда на весь мир насылаются губернаторы; жить там, в середине, значит быть на хорошем месте, – и опять – иметь хорошее место – значит жить в середине Петербурга. Вся трудность в том, чтобы попасть в эту благодатную середину, а там уже только звезды лови да рубли собирай. Третий Петербург вверху, где я живу. Это уже то – да не то. Здесь живут тоже люди чиновные, благородные, но из этих чиновных и благородных от начала мира не было ни одного губернатора, на этих вершинах до самого света преставления не будет ни одного хорошего места!» Одна канцелярия сжалась над ним и приняла его в чиновники, на пять целковых в месяц жалованья. Этих пяти целковых ему было бы достаточно в Чечевицыне даже для роскошной жизни, но в Петербурге их недоставало и на платеж за квартиру. Несколько месяцев Лубок терпеливо сносил свои нужды и лишения, в ожидании скорого получения хорошего места. Наконец он вынужден был послать в Чечевицын письмо следующего содержания:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.